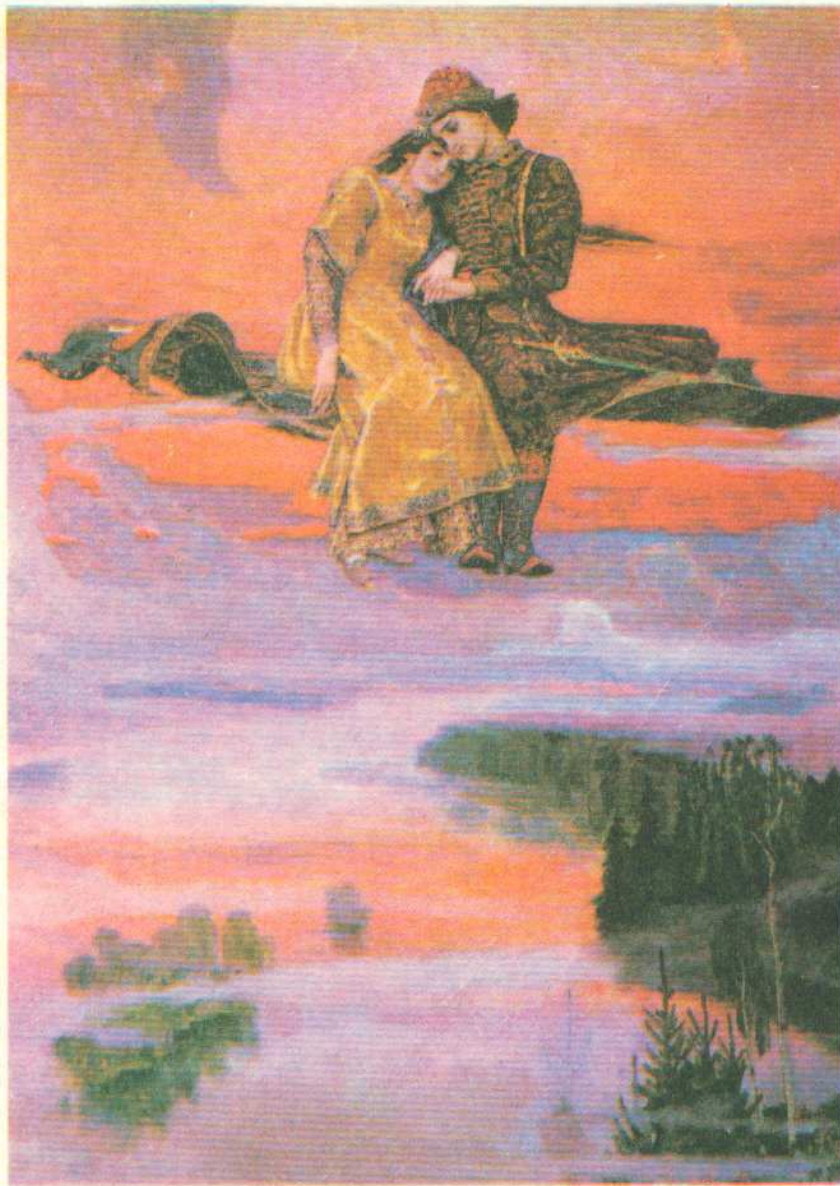

Русские народные сказки

ИЛЛЮСТРАЦИИ
ВИКТОРА
ВАСНЕЦОВА

Сивко- бурко

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Отец стал умирать и говорит:

— Дети! Как я умру, вы каждый поочередно ходите на могилу ко мне спать три ночи, — и умер.

Старика схоронили.

Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему — коё лень, коё боится, он и говорит малому брату:

— Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня: Ты ничего же не делаешь!

Иван-дурак собрался, пришел на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает:

— Кто тут? Ты, большой сын?

— Нет, батюшка! Я, Иван-дурак.

Старик узнал его и спрашивает:

— Что же больш-от сын не пришел?

— А он меня послал, батюшка!

— Ну, твое счастье!

Старик свистнул-гайкнул богатырским посвистом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом.

— Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил.

Проговорил это старик, лег в могилу.

Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошел.

Дома спрашивают братья:

— Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?

— Очень ладно, братья!

Другая ночь приходит. Средний брат тоже не идет ночевать на могилу и говорит:

— Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня.

Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришел на могилу, лег, дожидается полночи.

В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает:

— Ты средний сын?

— Нет, — говорит Иван-дурак, — я же опять, батюшка!

Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

— Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!

Бурко убежал; старик лег в могилу, а Иван-дурак пошел домой. Братья опять спрашивают:

— Каково, Иван-дурак, ночевал?

— Очень, братья, ладно!

На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряды, собрался и пошел.

Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

— Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи!

Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лег в могилу.

Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошел домой.

Братья опять спрашивают:

— Каково, Иван-дурак, ночевал?

— Очень ладно, братья!

Живут; двое братовой робыт, а Иван-дурак ничего. Вдруг от царя клич: ежели кто сорвет царевнин портрет с дому чрез сколько-то много бревен, за того ее и взамуж отдаст.

Братья собираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает:

— Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же.

— Э! — взъелись братья на него. — Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!

Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться:

— Ну, ты возьми, дурак, вон трехногую кобыленку!

Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобыленки, взял ее зарезал, кожу снял, повесил на поскотину, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напился, наелся, в друго вылез — оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать!

Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть.

Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил, и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал!

Он коня отпустил: сам пришел домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам:

— Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуль приехал; не видали, куды уехал. Еще опять приедет...

Иван-дурак сидит на печи и говорит:

— Братья, не я ли тут был?

— Куда, к черту, тебе быть! Сиди, дурак, на печи, да протирай нос-от.

Время идет. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит:

— Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь.

Они отвечают:

— Сиди, дурак, дома! Другу лошадь ты станешь переводить!

Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылешку. Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

— Сивко-бурко, вещий воронко!

Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез — оделся, выскочил в лево — молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал!

Бурка отпустил, а сам пошел домой, сел на печь, дожидается братовой. Братья приехали и сказывают:

— Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна.

Иван-дурак и говорит им:

— Братья, не я ли тут был?

— Сиди, дурак! Где, у черта, был!

Через немного времени от царя опять клич. Братья начали собираться, а Иван-дурак и просит:

— Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же.

— Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?

Нет, отбиться не могли, бились, бились, велели взять худую кобылешку; сами уехали.

Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом:

— Сивко-бурко, вещей воронко!

Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом.

Иван-дурак в одно ушко залез — напился-наелся, в друго вылез — молодцом оделся, сел на коня и поехал.

Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал!

Он так же воронка отпустил, пошел домой, сел на печь, ждет братовой. Братья приехали, сказывают:

— Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал.

Иван-дурак сидит за трубой и бает:

— Братья, не я ли тут был?

— Сиди, дурак! Где ты, у черта, был?

Через немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул.

Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрется ли кто ширинкой? — тот ее и жених. Только никто не утерся; а Ивана-дурака не видала, обошла. Гости разошлись.

На другой день царь сделал другой бал; опять виноватого не нашли, кто сорвал ширинку.

На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех обошла, никто не утерся ширинкой. «Что это, — думает она себе, — нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят, да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво!

Иван-дурак выпил, да и утерся ширинкой. Царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит:

— Батюшка! Вот мой суженый.

Братовой тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены».

Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван — царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

Кощей Бессмертный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у этого царя было три сына, все они были на возрасте. Только мать их вдруг унес Кош Бессмертный.

Старший сын и просит у отца благословенье искать мать. Отец благословил; он уехал и без вести пропал.

Середний сын пождал-пождал, тоже выпросился у отца, уехал, — и тот без вести пропал.

Малы сын, Иван-царевич, говорит отцу:

— Батюшка! Благословляй меня искать матушку.

Отец не пускает, говорит:

— Тех нет братовой, да и ты уедешь: я с кручины умру!

— Нет, батюшка, благословишь — поеду, и не благословишь — поеду.

Отец благословил.

Иван-царевич пошел выбирать себе коня; на которого руку положит, тот и падет; не мог выбрать себе коня, идет дорогой по городу, повесил голову. Неоткуда взялась старуха, спрашивает:

— Что, Иван-царевич, повесил голову?

— Уйди, старуха! На руку положу, другой пришлепну — мокренько будет.

Старуха обежала другим переулком, идет опять навстречу, говорит:

— Здравствуй, Иван-царевич! Что повесил голову?

Он и думает: «Что же старуха меня спрашивает? Не поможет ли мне она?»

И говорит ей:

— Вот, баушка, не могу найти себе доброго коня.

— Дурашка, мучишься, а старухе не кучишься! — отвечает старуха. — Пойдем со мной.

Привела его к горе, указала место:

— Скапывай эту землю.

Иван-царевич скопал, видит чугунную доску на двенадцати замках; замки он тотчас же сорвал и двери отворил, вошел под землю: тут прикован на двенадцати цепях богатырский конь; он, видно, услышал ездока по себе, заржал, забился, все двенадцать цепей порвал.

Иван-царевич надел на себя богатырские доспехи, надел на коня узду, черкасское седло, дал старухе денег и сказал:

— Благословляй и прощай, баушка!

Сам сел и поехал.

Долго ездил, наконец доехал до горы; преобладающая гора, крутая, взехать на нее никак нельзя. Тут и братья его ездят возле горы; поздоровались, поехали вместе; доезжают до чугунного камня пудов в полтораста, на камне надпись: кто этот камень бросит на гору, тому и ход будет.

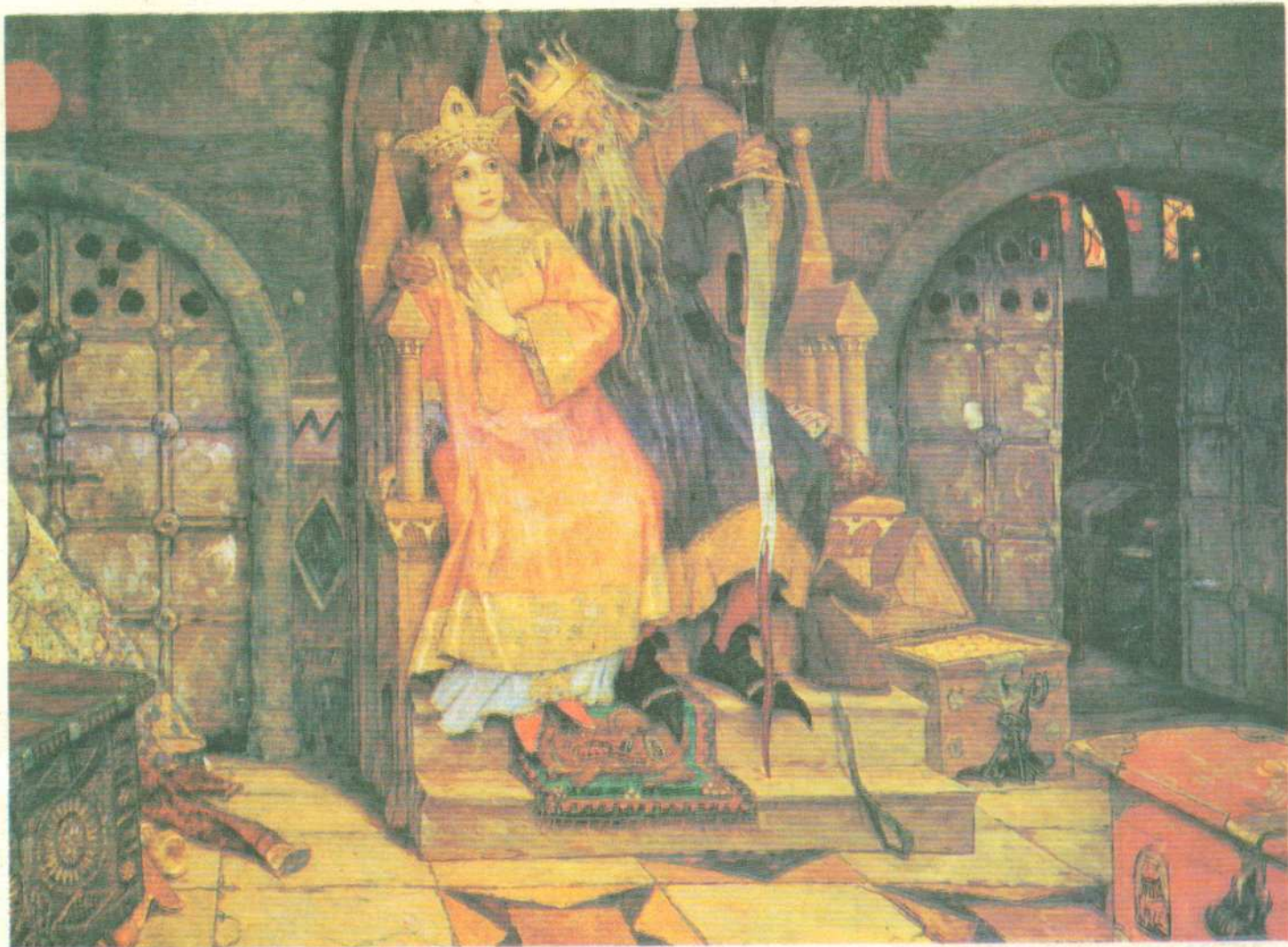
Старшие братьевья не могли поднять камень, а Иван-царевич с одного маху забросил на гору — и тотчас в горе показалась лестница.

Он оставил коня, наточил из мизинца в стакан крови, подает братьям и говорит:

— Ежели в стакане кровь почернеет, не ждите меня: значит, я умру!

Простился и пошел. Зашел на гору; чего он не насмотрелся! Всяки тут леса, всяки ягоды, всяки птицы!

Долго шел Иван-царевич, дошел до дому: огромный дом! В нем жила царская дочь, утащена Кошом Бессмертным.

Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на балкон, кричит ему:

— Тут, смотри, у ограды есть щель, потрешь ее мизинцем, и будут двери.

Так и случилось. Иван-царевич вошел в дом. Девушка его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошел доставать мать от Коша Бессмертного. Девушка говорит ему на это:

— Трудно достать мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный — убьет тебя. Ко мне он часто ездит... вон у него меч в пятьсот пудов, поднимешь ли его? Тогда ступай!

Иван-царевич не только поднял меч, еще бросил кверху; сам пошел дальше.

Приходит к другому дому; двери знает как искать; вошел в дом, а тут его мать, обнялись, поплакали.

Он и здесь испытал свои силы, бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов. Время приходит быть Кошу Бессмертному; мать спрятала его. Вдруг Кош Бессмертный входит в дом и говорит:

— Фу, фу! Русской коски слыхом не слышать, видом не видать, а русская коска сама на двор пришла! Кто у тебя был? Не сын ли?

— Что ты, бог с тобой! Сам летал по Руси, нахватался русского духу, тебе и мерещится, — ответила мать Ивана-царевича. А сама поближе с ласковыми словами к Кошу Бессмертному, спрашивает то-другое и говорит:

— Где же у тебя смерть, Кош Бессмертный?

— У меня смерть, — говорит он, — в таком-то месте; там стоит дуб, а под дубом ящик, в ящичке заяц, в зайце утка, в утке яйцо, в яйце моя смерть.

Сказал это Кош Бессмертный, побыл немного и улетел.

Пришло время — Иван-царевич благословился у матери, отправился по смерти Коша Бессмертного.

Идет дорогой много время, не пивал, не едал, хочет есть до смерти и думает: кто бы на это время попался! Вдруг — волчонок; он хочет его убить. Выскакивает из норы волчиха и говорит:

— Не тронь моего детища; я тебе пригожусь.

— Быть так!

Иван-царевич отпустил волка; идет дальше, видит ворону.

«Постой, — думает, — здесь я закушу!» Зарядил ружье, хочет стрелять, ворона и говорит:

— Не тронь меня, я тебе пригожусь.

Иван-царевич подумал и отпустил ворону.

Идет дальше, доходит до моря, остановился на берегу. В это время вдруг взметался щучонок и выпал на берег, он его схватил, есть хочет смертно — думает: «Вот теперь поем!»

Неоткуда взялась щука, говорит:

— Не тронь, Иван-царевич, моего детища, я тебе пригожусь.

Он и щучонка отпустил.

Как пройти море? Сидит на берегу да думает; щука ровно знала его думу, легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней, как по мосту; доходит до дуба, где была смерть Коша Бессмертного, достал ящик, отворил — заяц выскочил и побежал. Где тут удержать зайца!

Испугался Иван-царевич, что отпустил зайца, призадумался, а волк, которого не убил он, кинулся за зайцем, поймал и несет к Ивану-царевичу. Он обрадовался, схватил зайца, распорол его и как-то оробел: утка спорхнула и полетела. Он пострелял, пострелял — мимо! Задумался опять.

Неоткуда взялась ворона с воронятами и ступай за уткой, поймала утку, принесла Ивану-царевичу. Царевич обрадел, достал яйцо, пошел, доходит до моря, стал мыть яичко, да и ронил в воду. Как достать из моря? Безмерна глубь! Закручинился опять царевич.

Вдруг море встrepенулось — и щука принесла ему яйцо, потом легла поперек моря. Иван-царевич прошел по ней и отправился к матери; приходит, поздоровались, и она его опять спрятала.

В то время прилетел Кош Бессмертный и говорит:

— Фу, фу! Русской коски слыхом не слыхать, видом не видать, а здесь Русью несет!

— Что ты, Кош? У меня никого нет, — отвечала мать Ивана-царевича.

Кош опять и говорит:

— Я что-то немогу!

А Иван-царевич пожимал яичко: Коша Бессмертного от того коробило. Наконец Иван-царевич вышел, кажет яйцо и говорит:

— Вот, Кош Бессмертный, твоя смерть!

Тот на колени против него и говорит:

— Не бей меня, Иван-царевич, станем жить дружно; нам весь мир будет покорен.

Иван-царевич не обольстился его словами, раздавил яичко — и Кош Бессмертный умер.

Взяли они, Иван-царевич с матерью, что было нужно, пошли на родиму сторону; по пути зашли за царской дочерью, к которой Иван-царевич заходил вперед, взяли и ее с собой; пошли дальше, доходят до горы, где братья Ивана-царевича все ждут. Девица говорит:

— Иван-царевич! Воротись ко мне в дом; я забыла подвенечно платье, брильянтовый перстень и нешитые башмаки.

Между тем он спустил мать и царску дочь, с коей они условились дома обвенчаться; братья приняли их, да взяли спуск и перерезали, чтобы Ивану-царевичу нельзя было

спуститься, мать и девицу как-то угрозами уговорили, чтобы дома про Ивана-царевича не сказывали. Прибыли в свое царство; отец обрадовался детям и жене, только печалился об одном Иване-царевиче.

А Иван-царевич воротился в дом своей невесты, взял обручальный перстень, подвенечно платье и нешитые башмаки; приходит на гору, метнул с руки на руку перстень. Явилось двенадцать молодцов, спрашивают:

— Что прикажете?

— Перенесите меня вот с этой горы.

Молодцы тотчас его спустили. Иван-царевич надел перстень — их не стало; пошел в свое царство, приходит в тот город, где жил его отец и братья, остановился у одной старушки и спрашивает:

— Что, баушка, нового в вашем царстве?

— Да чего, дитятко! Вот наша царица была в плену у Коша Бессмертного; ее искали три сына, двое нашли и воротились, а третьего, Ивана-царевича, нет, и не знают, где. Царь кручинится об нем. А эти царевичи с матерью привезли какую-то царску дочь, большак жениться на ней хочет, да она посылает наперед куда-то за обручальным перстнем или велит сделать такое же кольцо, какое ей надо; колдася уж кличут клич, да никто не выискивается.

— Ступай, баушка, скажи царю, что ты сделаешь; а я пособлю, — говорит Иван-царевич.

Старуха в кою пору скрутилась, побежала к царю и говорит:

— Ваше царско-величество! Обручальный перстень я сделаю.

— Сделай, сделай, баушка! Мы таким людям рады, — говорит царь, — а если не сделаешь, то голову на плаху.

Старуха перепугалась, пришла домой, заставляет Ивана-царевича делать перстень, а Иван-царевич спит, мало думает, перстень готов. Он шутит над старухой, а старуха трясется вся, плачет, ругает его:

— Вот ты, — говорит, — сам-от в стороне, а меня, дуру, подвел под смерть.

Плакала, плакала старуха и уснула.

Иван-царевич встал поутру рано, будит старуху:

— Вставай, баушка, да ступай понеси перстень, да смотри: больше одного червонца за него не бери. Если спросят, кто сделал перстень, скажи: сама; на меня не сказывай!

Старуха обрадовалась, снесла перстень; невесте понравился.

— Такой, — говорит, — и надо!

Вынесла ей полно блюдо золота; она взяла один только червонец. Царь говорит:

— Что, баушка, мало берешь?

— На что мне много-то, ваше царско-величество! После понадобятся — ты же мне дашь.

Пробаяла это старуха и ушла.

Прошло там сколько время — вести носят, что невеста посылает жениха за подвенечным платьем или велит сшить такое же, како ей надо. Старуха и тут успела (Иван-царевич помог), снесла подвенечное платье.

После снесла нешитые башмаки, а червонцев брала по одному и сказывала: эти вещи сама делает.

Слышат люди, что у царя в такой-то день свадьба; дождались и того дня. А Иван-царевич старухе заказал:

— Смотри, баушка, как невесту привезут под венец, ты скажи мне.

Старуха время не пропустила. Иван-царевич тотчас оделся в царское платье, выходит:

— Вот, баушка, я какой!

Старуха в ноги ему.

— Батюшка, прости, я тебя ругала!

— Бог простит.

Приходит в церковь. Брата его еще не было. Он стал в ряд с невестой; их обвенчали и повели во дворец.

На дороге попадается навстречу жених, большой брат, увидал, что невесту ведут с Иваном-царевичем, ступай-ка со стыдом обратно.

Отец обрадовался Ивану-царевичу, узнал о лукавстве братьев и, как отпировали свадьбу, больших сыновей разослал в ссылку, а Ивана-царевича сделал наследником

Царевна-лягушка

В старые годы, в старопрежни, у одного царя было три сына — все они на возрасте. Царь и говорит:

— Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться.

Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягушка в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал.

— Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!

Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одиножды посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет:

— Чего у меня сделает лягуша! Все станут смеяться.

Лягуша ползат по полу, только квакат.

Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожух, сделалась красной девицей и крикнула:

— Няньки-маньки! Сделайте то-то!

Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала!

Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел:

— Ну, вот это рубашка — во Христов день надевать!

Средний брат принес рубашку; царь сказал:

— Только в баню в ней ходить!

А у большего брата взял рубашку и сказал:

— В черной избе ее носить!

Разошлись царски дети; двое-то и судят между собой:

— Нет, видно, мы напрасно смеялись над женой Ивана-царевича, она не лягуша, а кака-нибудь хитра!

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлеба и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать.

Лягуша смекнула это, взяла, замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила, да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали.

А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывало, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула:

— Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел.

Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей.

Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от больших братьевей; их жены как попускали в печь хлебы, так же, как лягуша, — у них и вышло кули-мули.

Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от среднего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит:

— Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у больших снох, с закалой!

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался — куда я с лягушей поеду? И заплакал навзрыд наш Иван-царевич.

Лягуша и говорит ему:

— Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду.

Иван-царевич немного обрадовался, как услышал, что лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как!

Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица!

Начали закусывать; царевна огложет коску, да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава.

Дошла очередь танцевать; царь посылает больших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало.

Другие снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал:

— Будет, будет!

Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да и сжег.

Та приезжат, хватилась кожуха: нет! — сожжен.

Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему:

— Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве.

И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел.

Идет долго уж, вдруг попадается ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит:

— Фу, фу! Русской коски слыхом было не слышать, видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?

— Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси.

Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей:

— Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну.

— Ой, дитятко, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к средней сестре, та больше знат.

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит:

— Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила, — к лесу задом, а ко мне передом.

Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит — сидит старуха и говорит:

— Фу, фу! Русской коски слыхом было не слышать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?

— Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасну.

— Ой, Иван-царевич, — сказала старуха, — как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит взамуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у нее узнают. Елена обернется веретешком, а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить; как совет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя; она и очутится перед тобой.

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться:

— Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла.

А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица, полетели.

Жених-от за ними вдруг и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал, гнал только сажон десять не догнал: они на ковре

влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы наживать — на славу всем людям.

Хрустальная гора

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему:

— Милостивый государь-батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем.

Отец благословил, и они поехали в разные стороны.

Малый сын ездил, ездил и запутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду.

Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит:

— Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы все спорим, а как поделить — не придумаем.

Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям.

— Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол. — За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь.

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридешатое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу:

— Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?

— Отчего не взять такого молодца?

Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью.

Стала просить царевна:

— Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять.

Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали.

Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись — выскочила золотая коза.

Царевич погнался за ней, скакал, скакал, козы не добыл, в воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю:

— Ваше величество! Найми меня стадо пасти.

— Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитывай двенадцать коров.

Иван-царевич погнался стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах:

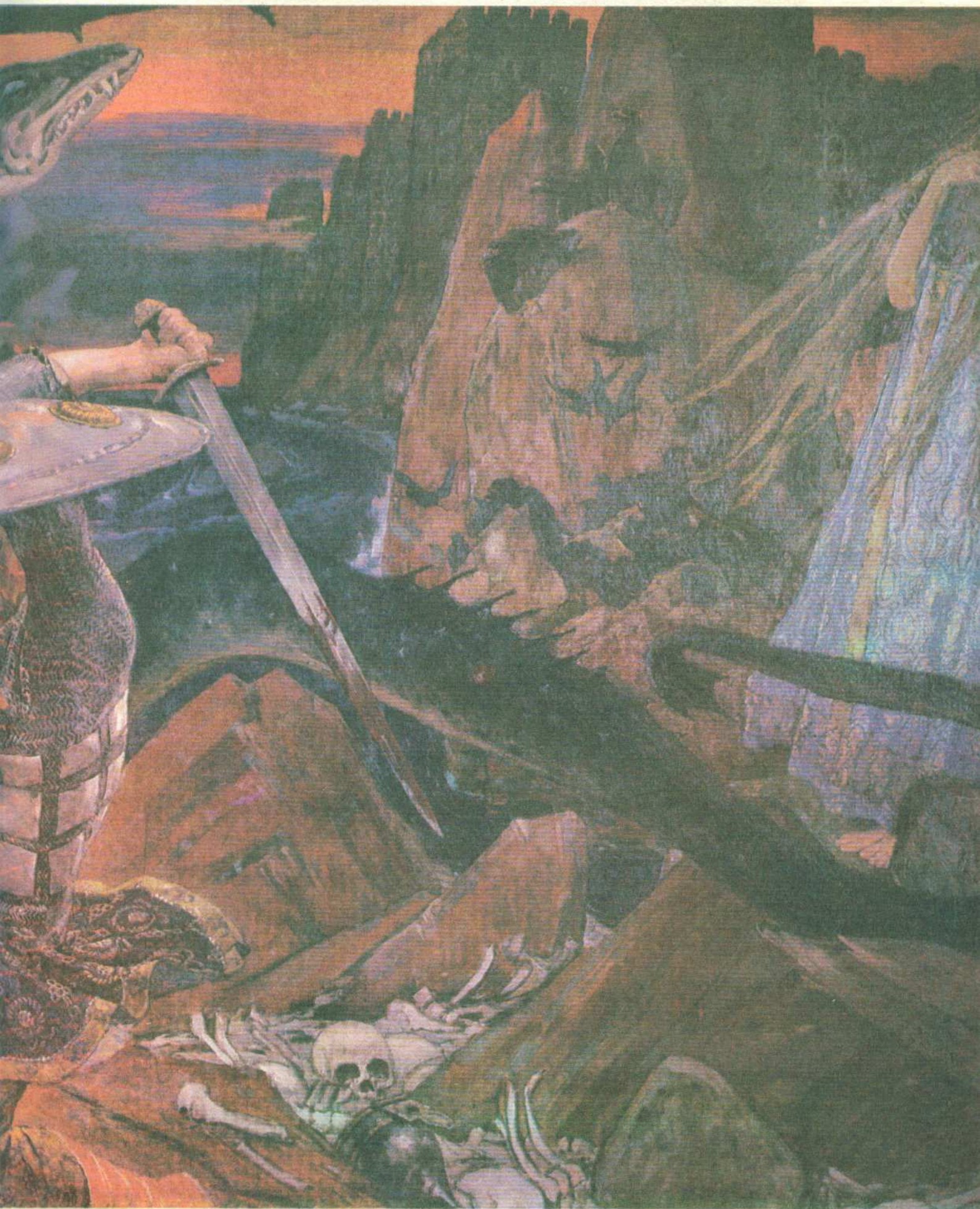
— Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сразиться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка, — говорит, — отгони мне трех коров.

— Не жирно ли будет? — отвечает царевич. — Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!

Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнался стадо домой.

— Что дедушка? — спрашивает царь. — Прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?

— Нет, ваше величество, ни одной не дал!

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров.

— Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в сутки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!

Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов.

Пригнал домой стадо; царь и спрашивает:

— Что, бабушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?

— Прилетать-то прилетал, да ничего не взял!

Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна.

— Здравствуй, — говорит Иван-царевич, — как ты сюда попала?

— Меня унес змей о двенадцати головах; живет он на бабушкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко, коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в те поры можно хрустальную гору извести и меня избавить.

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо.

Вдруг прилетает змей о двенадцати головах:

— Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму молодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!

— Жирно будет! Я сам в сутки ем по одной уточке; а ты чего захотел!

Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко.

Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла.

Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу:

— Будь ты моим зятем!

Тут их и обвенчали: на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

Несмеяна- царевна

Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нем люди богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призывает и рассуждает господь. Живут роскошные — и празднуют, живут горемычные — трудятся; каждому своя доля!

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житье, какое приволье: какое роскошь! Всего много, все есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем.

— Пускай, — говорит, — пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою.

Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон едут, идут — и царевичи и княжечичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды — царевна все не смеется.

На другом конце в своем уголке жил честной работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот пасал, в беспрестанных был трудах. Хозяин его человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол:

— Бери, — говорит, — сколько хочешь!

А сам в двери и вышел вон.

Работник подошел к столу и думает: как бы перед богом не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал ее в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно.

Остался бедняк ни при чем. Другой бы на его месте заплакал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет.

— Все, — говорит, — бог посылает; господь знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последние отнимает. Видно, я худо рачил, мало трудился, теперь стану усердней!

И снова за работу — каждое дело в его руках огнем горит!

Кончился срок, минул еще год, хозяин ему мешок денег на стол:

— Бери, — говорит, — сколько душа хочет!

А сам в двери и вышел вон.

Работник опять думает, чтоб бога не прогневить, за труд лишнего не положить; взял денежку, пошел напиться и выпустил невзначай из рук — денежка в колодезь и потонула.

Еще усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина все буреет; чья скотина ноги завивает, а его по улице брыкает; чьих коней под гору тащат, а его и в поводу не сдержат. Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить.

Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол:

— Бери, работничек, сколько душа хочет; твой труд, твоя и деньга!

А сам вышел вон.

Берет работник опять одну денежку, идет к колодезю воды испить — глядь: последняя деньга цела и прежние две наверх выплыли. Подобрал он их, догадался, что бог его за труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!»

Подумал и пошел куда глаза глядят. Идет он полем, бежит мышь:

— Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!

Дал ей денежку.

Идет лесом, ползет жук:

— Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Дал и ему денежку.

Поплыл рекой, встретился сом:

— Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!

Он и тому не отказал, последнюю отдал.

Сам пришел в город; там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти — не знает. А перед ним стоят царские палаты, серебром-золотом убраны, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него глядит. Куда деваться? Затуманилось у него в глазах, нашел на него сон, и упал он прямо в грязь.

Откуда ни взялся сом с большим усом, за ним жучок-старичок, мышка-стрижка; все прибежали. Ухаживают, ублажают: мышка платице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет.

Глядела, глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась.

— Кто, кто развеселил мою дочь? — спрашивает царь.

Тот говорит: «Я»; другой: «Я».

— Нет! — сказала Несмеяна-царевна. — Вон этот человек! — И указала на работника.

Тотчас его во дворец, и стал работник перед царским лицом молодец молодцом! Царь свое царское слово сдержал; что обещал, то и даровал.

Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была, — так надо верить.

Баба- яга

Жили себе дед да баба; дед овдовел и женился на другой жене, а от первой жены осталась у него девочка. Злая мачеха ее не полюбила, била ее и думала, как бы вовсе извести.

Раз отец уехал куда-то, мачеха и говорит девочке:

— Поди к своей тетке, моей сестре, попроси у нее иголочку и ниточку — тебе рубашку сшить.

А тетка эта была баба-яга костяная нога.

Вот девочка не была глупа, да зашла прежде к своей родной тетке.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая! Зачем пришла?

Матушка послала к своей сестре попросить иголочку и ниточку — мне рубашку сшить.

Та ее и научает:

— Там тебя, племянушка, будет березка в глаза стегать — ты ее ленточкой перевяжи; там тебе ворота будут скрипеть и хлопать — ты подлей им под пяточки маслица; там тебя собаки будут рвать — ты им хлебца брось; там тебе кот будет глаза драть — ты ему ветчины дай.

Пошла девочка; вот идет, идет и пришла.

Стоит хатка, а в ней сидит баба-яга костяная нога и ткет.

— Здравствуй, тетушка!

— Здравствуй, родимая!

— Меня матушка послала попросить у тебя иголочку и ниточку — мне рубашку сшить.

— Хорошо: садись покуда ткать.

Вот девочка села за кросна, а баба-яга вышла и говорит своей работнице:

— Ступай, истопи баню да вымой племянницу, да смотри, хорошенько; я хочу ею позавтракать.

Девочка сидит ни жива ни мертва, вся перепуганная, и просит она работницу:

— Родимая моя! Ты не столько дрова поджигай, сколько водой заливай, решетом воду носи, — и дала ей платочек.

Баба-яга дожидается; подошла она к окну и спрашивает:

— Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?

— Тку, тетушка, тку, милая!

Баба-яга и отошла, а девочка дала коту ветчинки и спрашивает:

— Нельзя ли как-нибудь уйти отсюда?

— Вот тебе гребешок и полотенце, — говорит кот, — возьми их и убежи; за тобою будет гнаться баба-яга, ты приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось сперва полотенце — сделается широкая-широкая река; если же баба-яга перейдет через реку и станет догонять тебя, ты опять приклони ухо к земле и, как услышишь, что она близко, брось гребешок — сделается дремучий-дремучий лес, сквозь него она уже не проберется!

Девочка взяла полотенце и гребешок и побежала; собаки хотели ее рвать — она бросила им хлебца, и они ее пропустили; ворота хотели захлопнуться — она подлила им под пяточки маслица, и они ее пропустили; березка хотела ей глаза выстегать — она ее ленточкой перевязала, и та ее пропустила. А кот сел за кросна и ткет; не столько наткал, сколько напутал. Баба-яга подошла к окну и спрашивает:

— Ткешь ли, племянушка, ткешь ли, милая?

— Тку, тетка, тку, милая! — отвечает грубо кот.

Баба-яга бросилась в хатку, увидела, что девочка ушла, и давай бить кота и ругать, зачем не выцарапал девочке глаза.

— Я тебе сколько служу, — говорит кот, — ты мне косточки не дала, а она мне ветчинки дала.

Баба-яга накинулась на собак, на ворота, на березку и на работницу, давай всех ругать и колотить. Собаки говорят ей:

— Мы тебе сколько служим, ты нам горелой корочки не бросила, а она нам хлебца дала.

Ворота говорят:

— Мы тебе сколько служим, ты нам водицы под пяточки не подлила, а она нам маслица подлила.

Березка говорит:

— Я тебе сколько служу, ты меня ниточкой не перевязала, а она меня ленточкой перевязала.

Работница говорит:

— Я тебе сколько служу, ты мне тряпочки не подарила, а она мне платочек подарила.

Баба-яга костяная нога поскорей села на ступу, толкачом погоняет, помелом след замечает и пустилась в погоню за девочкой. Вот девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга гонится, и уж близко, взяла да и бросила полотенце; сделалась река, такая широкая-широкая! Баба-яга приехала к реке и от злости зубами заскрипела; воротилась домой, взяла своих быков и пригнала к реке; быки выпили всю реку дочиста.

Баба-яга пустилась опять в погоню. Девочка приклонила ухо к земле и слышит, что баба-яга близко, бросила гребешок; сделался лес, такой дремучий да страшный! Баба-яга стала его грызть, но сколько ни старалась — не могла прогрызть и воротилась назад.

А дед уже приехал домой и спрашивает:

— Где же моя дочка?

— Она пошла к тетушке, — говорит мачеха.

Немного погодя и девочка прибежала домой.

— Где ты была? — спрашивает отец.

— Ах, батюшка! — говорит она. — Так и так — меня матушка посылала к тетке попросить иголочку с ниточкой — мне рубашку сшить, а тетка баба-яга, меня съесть хотела.

— Как же ты ушла, дочка?

— Так и так, — рассказывает девочка.

Дед как узнал все это, рассердился на жену и расстрелил ее; а сам с дочкою стал жить да поживать да добра наживать, и я там был, мед-пиво пил; по усам текло, в рот не попало.

Сказка об Иване-царевиче, жар-птице и о сером волке

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Дмитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич.

У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые.

Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталу подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала.

Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблочек с нее сорвала; почему призвал к себе трех своих сыновей и сказал им:

— Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все.

Тогда дети его царевичи возопили единогласно:

— Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую.

На первую ночь пошел караулить в сад Дмитрий-царевич и, усевшись под ту яблоню, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слышал, как та жар-птица прилетала и яблочек весьма много ощипала.

Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Дмитрия-царевича и спросил:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

Он родителю своему отвечал:

— Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слышал, как жар-птица прилетала и яблочки щипала.

Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал:

— Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?

— Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала.

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы он многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки.

Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост; однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Иван-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался.

Поутру, лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал ему перышко жар-птицы.

Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы.

Это перо было так чудно и светло, что ежели принести его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала уже в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им:

— Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет.

Димитрий и Василий-царевичи начали иметь злобу на меньшого своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу.

А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

— Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уж при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня, и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; поедет в правую сторону, тот будет здоров и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здоров останется».

Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня.

Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал:

— Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?

Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший. Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему:

— Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?

Иван-царевич сказал серому волку, куда ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!

Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе:

— Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?

Воротился и лишь только снял золотую клетку — то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом.

Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом:

— Как не стыдно тебе, молодой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которых земля, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?

Иван-царевич ему молвил:

— Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич, — молвил царь Долмат, — пригоже ли так делать, как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу честью отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор.

Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?

— Виноват я перед тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — молвил серый волк. — Садись на меня, на серого волка: я тебя свезу, куда тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью.

И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал:

— Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет.

Иван-царевич, вступя в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так на нее прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял — как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону.

Царь Афрон начал его спрашивать:

— Ох ты гой еси, молодой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?

На то отвечал ему Иван-царевич:

— Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем.

— Ох ты, молодой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон. — Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честью отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю по все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все, как ты в моем государстве дурно сделал.

Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилось.

— Ох ты гой еси, молодой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк. — Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?

— Виноват я пред тобою, — сказал волку Иван-царевич.

— Добро, быть так! — продолжал серый волк. — Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно.

Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной.

И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу:

— Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом.

Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королевна Елена Прекрасная.

К вечеру, когда солнышко стало гораздо опускаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко, королевна Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою, — вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королевну Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи.

Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему:

— Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!

Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона.

Няньки, и мамки, и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя

Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королеву Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать.

Серый волк спросил его:

— О чем ты плачешь, Иван-царевич?

На то ему Иван-царевич отвечал:

— Друг мой, серый волк! Как мне, доброму молодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королеву Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее не отдам, то царь Афон обесчестит меня во всех государствах.

— Служил я тебе много, Иван-царевич, — сказал серый волк, — сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевой Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королеву. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками, и с мамушками, и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомни — и я опять у тебя буду.

Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю — и стал прекрасною королевой Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была.

Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королеве Елене велел дожидаться за городом.

Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королеву, а коня златогривого вручил Ивану-царевичу.

Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата.

Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевы Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон:

— Ах, прекрасная моя королева Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять.

И тотчас приказал нянюшкам, и мамушкам, и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил:

— Ах, где-то мой серый волк?

Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему:

— Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королева пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка:

— Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется.

Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым.

Иван-царевич, оставя прекрасную королеву Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату.

И как скоро туда приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарны, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные.

Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялись и веселились ровно два дня, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою.

Царевич взял жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасною королевною Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андронича.

Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; велел его оседлать, потом сел на него и поехал в чистое поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича.

— Иван-царевич! — сказал он. — Садись на меня, на серого волка, а королева Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом.

Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довез серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал:

— Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга.

Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по серому волку и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя.

Лежа на мягкой траве и ведя разговоры полубоювные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий-царевичи, езда по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою.

Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстились и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти.

Димитрий-царевич вынул из ножен меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королевну Елену и начал ее спрашивать:

— Прекрасная девица! Которого ты государства, и какого отца дочь, и как тебя по имени зовут?

Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испугалась, стала плакать горькими слезами и во слезах говорила:

— Я королевна Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мертвый!

Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевны Елены и сказал ей:

— Слушай Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!

Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено.

Тогда Димитрий-царевич с Василием-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королевна должна достаться Василию-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу.

Тогда Василий-царевич взял прекрасную королевну Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать.

В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наестся мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему:

— Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал.

— Слушай, ворон воронович! — молвил серый волк. — Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне послужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство, и принесешь мне мертвой и живой воды.

На то ворон воронович сказал серому волку:

— Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына.

Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду.

На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку.

Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, спрыснул его мертвою водою — и тот вороненок сросся, спрыснул живую водою — вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк спрыснул Ивана-царевича мертвою водою — его тело срослось, спрыснул живую водою — Иван-царевич встал и промолвил:

— Ах, куда как я долго спал!

На то сказал ему серый волк:

— Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспедай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королевне Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу.

Иван-царевич сел на серого волка, волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича и долго ли, коротко ли, — прибежал к городу.

Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом.

Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала:

— Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!

Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королевну Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали.

Царь Выслав весьма осердился на Дмитрия и Василия-царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, полюбовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

Русские народные сказки

Редактор В.С. Хелемендик
Макет и оформление Н.Е. Ильенко
Технический редактор Е.А. Бессонова
Корректор Л.В. Иванова
Г.К. Типаева

Издательство
Российского союза
промышленников и предпринимателей
«Информпечать»
109240, г. Москва, Котельническая наб., 17
Формат 60X90 1/8
Бумага офсетная № 1
Усл. печ. л. 4,0. Уч.-изд. л. 5,0.
Зак. № 3—818. Тираж 200 000 экз.
Главное предприятие
ПО «Полиграфкнига»
г. Киев, ул. Довженко, 3

Р 4803010104-002 Без объявления
11370533-93

ISBN 5-88010-002-2
© Информпечать, 1993

